

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-325-337
EDN: NQSPLC

**ОСОБЕННОСТИ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ А. УРУСОВОЙ
(НА ПРИМЕРЕ КНИГИ «ЁМЮР ТАНЫШЛАНЫ САГЪЫНЫУ»
(«ВОСПОМИНАНИЯ О СОВРЕМЕННОКАХ»))**

Фатима Таулановна Узденова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского
научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, [uzdeno-
va_kbigi@mail.ru](mailto:uzdenova_kbigi@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

Аннотация. В работе рассмотрены особенности и историко-культурное значение мемуарной прозы, теоретико-методологические подходы к изучению жанра. На материале творчества А. Урусовой предпринята попытка выявить эстетическое начало мемуаров в целокупности их отличительных признаков: личный опыт, фактографичность, ретроспективность, аутентичность, а также всесторонне и по-новому взглянуть на творчество карачаевской писательницы, характеризующееся нестандартным набором аксиологических моделей самовыражения, тенденцией к кларизму, модальностью. В результате исследования текста книги А. Урусовой «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках», 1975), отразившей историческую судьбу карачаевского народа сквозь призму деятельности пассионариев, обоснована концепция историко-типологического изучения мемуарного жанра, отмечены особенности стиля и языка мемуаров, принципы изображения, раскрыты роль и место мемуаристики в культурной жизни народа, эпохи. Теоретическая значимость работы в углублении представлений о различных литературных явлениях, в частности жанре нехудожественной прозы – мемуаристике.

Методы исследования: культурно-исторический, описательно-функциональный, биографический, историко-типологический.

Ключевые слова: мемуарная проза, карачаевская литература, А. Урусова, документалистика, достоверность, культура, пассионарии.

Для цитирования: Узденова Ф.Т. Особенности мемуарной прозы А. Урусовой (на примере книги «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках»)) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 325-337. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-325-337. EDN: NQSPLC.

© Узденова Ф.Т., 2024

Original article

**FEATURES OF A. URUSOVA'S MEMOIR PROSE
(BASED ON THE EXAMPLE
OF THE BOOK “MEMORIES OF CONTEMPORARIES”)**

Fatima T. Uzdenova

Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, uzdenova_kbgi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

Abstract. The work examines the features and historical and cultural significance of memoir prose, theoretical and methodological approaches to the study of the genre. Based on the work of A. Urusova, an attempt was made to identify the aesthetic beginning of the memoirs in the totality of their distinctive features: personal experience (through the prism of the author's individual perception), factuality, retrospectiveness, authenticity, as well as a comprehensive and new look at the work of the Karachay writer, characterized by a non-standard set axiological models of self-expression, a tendency towards clairism, modality. Because of the study of the text of A. Urusova's book "Yomur tanyshlany sagyny" ("Memories of contemporaries", 1975), which reflected the historical fate of the Karachay people through the prism of the activities of passionaries, the concept of historical and typological study of the memoir genre was substantiated, the features of the style and language of memoirs, principles images, the role and place of memoirs in the cultural life of the people and era are revealed. The theoretical significance of the work is in deepening ideas about various literary phenomena, in particular the genre of non-fiction prose - memoirs.

Research methods: cultural-historical, descriptive-functional, biographical, historical-typological.

Keywords: memoir prose, Karachai literature, A. Urusova, documentary, authenticity, passionaries, culture

For citation: Uzdenova F.T. Features of A. Urusova's memoir prose (based on the example of the book "Memories of contemporaries"). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 325-337. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-325-337. EDN: NQSPLC.

© Uzdenova F.T., 2024

Введение

Мемуарная проза – жанр, находящийся на стыке литературы и документалистики, уникальный источник информации о прошлом, преломленный сквозь призму личного опыта автора. Мемуарист, в отличие от автора художественного произведения, ограничен реальными событиями и личностями, не может искажать факты, но волен выбирать ракурс, расставлять акценты. Субъективность восприятия, роль памяти, «диалог» времен и поколений, претензии на достоверность воссоздаваемого прошлого, жанрово-видовое многообразие (мемуары-дневники, мемуары-исповеди, мемуары-портреты, мемуары-автобиографии, мемуары-«современные истории», мемуары-путешествия) – ряд особенностей мемуаров, актуализирующих их роль и место в аксиосфере литературы.

Слово «мемуары» происходит от латинского «memoria» – память [Большая советская энциклопедия 1974: 64]. «Под мемуарами подразумеваются воспоминания или записки о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий, имеющими с точки зрения автора определенную познавательную культурологическую ценность и/или социально-политическую значимость. Создавая мемуары, их авторы не только фиксировали (закрепляли) информацию о событиях, участниками, свидетелями или наблюдателями которых они были, но и оставляли потомкам специфический письменный памятник прошлого, позволяющий изучать и обстановку в обществе в целом, и духовный

мир отдельных индивидуумов, составляющих этот социум [Георгиева 2012: 126–127].

Одним из определяющих признаков, как видно из тезиса, является сопричастность литературных субъектов фактам, «...участниками, свидетелями или наблюдателями (курсив наш – Ф.У.) которых они были...» [Георгиева 2012: 126–127]. «Мемуарная литература может опираться на документальные источники, но основное в ней – *достоверность* непосредственных впечатлений...» (С.В. Калачева) [Русанова 2004], описываемые события преломляются через призму сознания автора.

А.Г. Тартаковский отличительными признаками мемуаров определяет: *личностное начало*: «весь рассказ о прошлом строится через призму индивидуального восприятия автора» [Тартаковский 1980: 27]; *ретроспективность*: «они (мемуары – Ф.У.) всегда возникали после описываемых в них событий и всегда обращены в прошлое...» [Тартаковский 1980: 29, 30]; *память*.

По мнению В. Полонского, «основные предпосылки труда мемуариста – строгое соответствие исторической правде, фактографичность, хроникальность повествования...» [Полонский, эл. ресурс].

С.С. Минц в качестве облигаторных признаков отмечает «*личностный характер* (курсив наш – Ф.У.)... перетекающий иногда в беллетризацию и публицистичность», и *документализацию* (курсив наш – Ф.У.) [Минц 2000: 162].

Целесообразным считаем обозначить еще два, на наш взгляд, существенных признака – *аксиологичность* и *автобиографизм*. На последнем обстоятельстве остановились авторы учебного пособия «Источниковедение» (2015) [Источниковедение... 2015: 358–368]; к источникам личного происхождения они отнесли «мемуары-автобиографии, мемуары-«современные истории», дневники, частную переписку (эпистолярные источники), эссеистику, исповеди [Источниковедение... 2015: 348].

Обобщив вышеизложенное о природе и специфике мемуарного жанра, можно согласиться с выводом крупнейшего испанского философа XX в. Хосе Ортеги-и-Гассета о том, что «мемуарный жанр является одновременно и антропотекстом и социотекстом и отражает связи языка, истории и культуры, так как по-настоящему зрелой становится лишь историческая восприимчивость человека [цит. по: Нюбина, эл. ресурс]. «Медиумом в этой ретроспективной рефлексии выступает вспоминающее «Я», которое выполняет самые разнообразные когнитивные действия, соединяющие прошлое и настоящее: осуществляет селекцию воспоминаний, их интерпретацию и комбинирование, делает обобщения, анализ, выражает оценки, эмоции и т.д.» [Нюбина, эл. ресурс].

Вышепредставленные базовые характеристики и признаки мемуарного порядка безусловно присутствуют и в национальных (карачаево-балкарских) текстах.

Особенности мемуарной прозы А. Урусовой

Изучение мемуаров А. Урусовой представляет особый интерес с позиции исследования художественно-эстетического феномена карачаевской национальной литературы XX столетия, понимания герменевтической сути творчества писателя.

Опыт мемуарной прозы в карачаевской литературе связан с именами Х. Богатырева, Героя Советского Союза, – «Ата джурт ючюн», 1963 («За Родину», военные мемуары), А. Урусовой – «Ёмюр танышланы сагъыныу», 1975 («Воспоминания о современниках»), О. Хубиева – «Джашау бла фахму», 1982 («Жизнь и талант»), К. Кипкеева – «Огненный путь длиной в четыре года», 1995 (мемуары командира партизанского отряда), Х. Байрамуковой – «Джашу-ум», 1996 («Моя жизнь», автобиографическая книга), С. Алиевой «Я сын твой, Теберда...», 2006 (книга воспоминаний об отце, известном тюркологе, докторе филологических наук Умаре Баблашевиче Алиеве) и др.

В настоящее время четко прослеживается тенденция обращения к мемуарной прозе, очерку, эссеистике и другим жанровым формам, содержащим мемуарное начало. Обращение к текстам с очевидной фактологической основой в эпоху советской идеологии вполне закономерно и объяснимо – стремление выбраться из тисков идеологического ценза мотивировало на создание нарратива с выраженным индивидуальным содержанием, вынужденно воплощавшегося в большинстве случаев в фактографической точности воспроизведения реальности.

Наиболее репрезентативной в данном аспекте представляется книга мемуаров А. Урусовой «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках»), отразившая историко-культурные события горской действительности, жизнь и творчество представителей интеллектуальной элиты народа, первых деятелей культуры Карачая с точки зрения реального инсайдера.

«Автору суждено было быть в гуще описываемых событий. Отражаемая в книге эпоха представлена объективно, с исключительной достоверностью, что очень ценно для аналогичных работ мемуарного жанра. В литературе Карачаево-Черкесии пока мало книг, воспоминаний, воспроизводящих жизнь и деятельность первых литераторов, журналистов. Одна из попыток сделана человеком, занимавшимся в те годы литературной критикой и журналистикой, – А. Урусовой (В 30-е годы А. Урусова являлась сотрудником газеты «Къызыл Къарачай» («Красный Карачай») – уточ. Ф.У.). – Шаг за шагом автор воспроизводит процесс развития культуры, искусства, литературы Карачая тех лет...» [Батчаев 1975]. «...Многие из сведений даются впервые (что очень важно), причем, очевидцем. При этом штрихи из биографии отдельных лиц в рукописи не даются изолированно друг от друга и от общественных событий, а даются на фоне событий и явлений жизни. Как историк, я должен сказать, что исторические факты автором изложены правильно. Нет сомнения и в том, что абсолютное большинство приводимых автором фактов из жизни тех, о ком она пишет, также достоверны» [Лайпанов 1975]. В мемуарах Урусовой использованы документы семейного архива – программки, юбилейные буклеты, дневники, рецензии, уникальные фотографии из Центрального государственного архива.

Книга мемуаров А. Урусовой написана на карачаево-балкарском языке, состоит из одиннадцати глав – по числу персоналий. Объектом книги явились выдающиеся личности, внесшие весомый вклад в дело становления и развития духовной культуры карачаевского народа. В их числе первые деятели культуры и искусства: Ислам Хубиев (Къарачайлы), общественный деятель, публицист,

имя которого вошло в Энциклопедию Р. Луначарского; Асхат Биджиев, первый из карачаевцев кандидат медицинских наук, писатель, автор ряда книг и учебников, переводчик; Исса Каракетов, один из основоположников карачаевской поэзии, автор знакового стихотворения «Кавказ»; Азрет Уртенев, один из зачинателей карачаевской поэзии, Хасан Аппаев, автор первого карачаевского романа «Къара кюбюр» («Черный сундук»), Исхак Урусов, фольклорист, музыкант, композитор, впервые осуществивший нотную запись музыкального творчества Карачая, и др. В книгу не вошла глава об основоположнике карачаевской письменности, авторе первого букваря, создателе типографии, первом учителе автора мемуаров Исмаиле Акбаеве (Чокуна афенди). Объясняется это религиозной деятельностью последнего, не приветствовавшейся в эпоху социалистического устройства.

Видные деятели культуры и искусства Карачая, о которых пишет А. Урусова, – это люди, имевшие непосредственное отношение к их семье. Все они были частыми посетителями их дома, являвшегося в то время средоточием всего нового, прогрессивного. Автор создает довольно яркую картину развития культуры карачаевского народа в 20–30-е годы XX в. В своей рецензии на книгу известный карачаевский писатель Мусса Батчаев отмечал: «Автор непринужденно и содержательно, естественным, доверительным тоном, истинно народным карачаевским языком, так выгодно отличающим представителей старшего поколения от всех нас, более поздних литераторов, рассказывает о прошлом Карачая, о времени и людях, которых хорошо знала. В работе присутствует ничем не заменимый опыт много повидавшего, о многом думавшего человека, способного при этом точно отразить на бумаге строй своих мыслей и чувств» [Батчаев 1975]. А. Урусову по праву считают основоположником мемуарного жанра в карачаевской литературе.

История создания книги

Создание книги мемуаров А. Урусовой «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках») было предопределено самим процессом культурного развития этноса. Официально время опубликования относится к 70-м гг. XX в. (книга издана в 1975). Однако многие – если не сказать большинство – параметры нарратива указывают на его возможно более раннее происхождение. А. Урусовой предпринята попытка через судьбу и творчество прогрессивных деятелей, в первую очередь литераторов, воссоздать полномасштабную картину развития культуры карачаевского народа в 20–30-е гг. XX в.

Будучи представительницей национальной интеллигенции, А. Урусова очень четко ощущала свою сопричастность к судьбе карачаевского народа. Она принадлежала к достаточно обширному кластеру научно-технической и творческой элиты старой, имперской формации. В то же время А. Урусова была ярким образцом новой советской интеллектуальной верхушки, общества, на личностном уровне именно таковой себя и осознававшей.

Посыл к этническому лидерству, понимание своей роли ведущего, вожака, выраженно присутствовал в этических постулатах народов Северного Кавказа. Кроме того, пропаганда также выполняла свои функции – даже в отношении

тех, кто изначально воспитывался в более совершенных эстетических и вкусовых нормах. А. Урусова, как и тысячи подобных ей, ощущала потребность в просветительской – иногда высокой, иногда культуртрегерской – связи со своим народом и как естественный продолжатель традиций и практик этнической пассионарной прослойки, и как адепт новой коммунистической философии. Сочетание двух нравственных императивов было, в принципе, присуще представителям старой аристократической верхушки карачаево-балкарского народа – весьма значительная часть его дворянства активно способствовала адаптации этноса к новым условиям существования и интеграции его культуры в парадигму советской этики и мировоззрения.

Оценивая тип мемуарного повествования, необходимо учитывать безусловные цели и задачи автора, predetermined ее индивидуальностью в сфере, лежащей над горизонтом художественного плана. Помимо стремления к самовыражению и эмоциональной самореализации мемуарная проза А. Урусовой не могла не иметь *дидактической компоненты*, причем – в области литературных компетенций.

Наличие двух планов изложения в произведении – подчеркнуто фрагментарного и мозаичного по запланированной композиции и углубленного и подробного освещения настроений, мыслей и состояний главных героев – пассионариев (каждому посвящена отдельная глава) – доказывает нам, что автор вполне осознанно стремился к созданию текста, несущего в себе черты произведений разнонаправленных. Эти свойства и характеристики напоминают об атрибутивных приметах литературных штудий довоенного образца – об эпохе конца 20-х – начала 30-х гг. XX в.

Создается вполне достоверное впечатление о целенаправленной синтетичности произведения А. Урусовой, о том, что она попыталась соединить в тексте лучшие, по ее мнению, черты прозы указанного периода, а именно – психологической и публицистической; с формальной стороны «Воспоминания...» вписываются как в границы означенного мемуарного жанра, так и публицистического текста, базирующегося на очерковом характере и эпизодичности, и особенности нарратива которого лежат на поверхности: «...в публицистическом романе явственно намечается отход от организованного сюжета и возвращение к преодоленной уже, казалось, нашей романтистической эпизодичности» [Ершов 1962: 11].

Формат воспоминания зачастую включает *портретные характеристики* – с целью дать максимально полное (с включением приема визуализации) представление о персонаже. Наглядно это у А. Урусовой (в достоверности не приходится сомневаться, поскольку со всеми героями своей книги она была лично знакома, более того с некоторыми из них находилась в родственных связях). «1929 джыл каникуллагъа келгенимде, стол юсюнде «Эркинликни джилтинлери» китаб тура эди. Китабны ачханлай, артына таралгъан къалын чачы, юсюнде мийик джагъалы акъ кёлеги, кермекъаш, уллукёз джашны суратын кёрдюм» [Урусова 1975: 49] («В 1929 году, приехав домой на каникулы, увидела на столе поэтическую книгу «Искры свободы». Когда раскрыла ее, увидела фотографию молодого человека с зачесанными назад густыми волосами, широкими бровя-

ми, большими глазами, одетого в белую рубашку с высоким воротом») – об Азрете Уртенове; его приход автор описывает «...башында джукъа акъ кийиз бёркю, юсюнде, суратдача, акъ кёлеги, джарашыу галифе кёнчеги, башлы чуркълары, бармакъ кирмезча, кеблениб. Белинде къарачай кюмюш белибауу, *кёзюнге асыры джити къарагъандан зуккуча кёрюне*» [Урсова 1975: 49] («...на голове была тонкая войлочная белая шляпа, та же, что и на фотографии, белая рубашка, брюки галифе, сапоги, плотно обхватывающие ноги, подпоясан поясом с серебряными бляхами. Взгляд его был пронизывающим»). В подобных примерах автор щедро использует поэтические средства языка, такие как сравнения, метафоры, фразеологизмы и др.

Стилистика и поэтика

Специфическая черта стиля А. Урсовой – *временной тип нарратива* (это обнаруживается и в ее романе «Айсанат», и во многих поэтических текстах). А. Урсова акцентированно ведет повествование в настоящем времени, самой частой временной формой употребляемых ею состояний героя является сочетание характерного для карачаево-балкарского языка прошедшего длящегося времени [Грамматика карачаево-балкарского языка 1976: 231] и актуально наличествующего:

«...Иссаны халы да алай эди. 1929 джылдан башлаб, 1931 джылны август айына дери Иссаны басмаланган заты джокъду. 1931 джыл «Бакуда нефтни хакъындан» назмусу эм да «Революцион джырла» китабы чыгъадыла. Андан арысында Исса джазмайды джангы зат. Иссаны литературада ишлегени сегиз джылны ичиндеди. Отуз бешинчи джыл культураны юйюнде талай адам Агринский Володя бла бирден шахмат ойнай тургъанлайыбызгъа, Терк Башындан къайтхан Исса келиб, атамы къатына олтурду. Кесими орнуму биреуге бериб, Иссагъа джуукъда *олтурдум* (прямо сейчас – уточ. Ф.У.).

– Исса, мен редакцияда ишлеген кёзюуде нек джазмайса? Тыйгъычсыз чыгъарлыкъ эдим, – деб кёзюне къарадым.

– Отум джетмейди, – дегени бла, кесини да кёз къарамамы тюрленгенча, анда билинир-билинемез джюрек джарсыу ышан эследим. Айтмаса да, болумун биле эдим, андан ары соруу этерге аядым. Андан сора Исса бла, кенгден кёрген болмаса, джууукъда тюбемегенлей къалдым» [Урсова 1975: 31].

...В период с 1929 по август 1931 года у Иссы не было ни одной публикации. В 1931 году было опубликовано стихотворение «Цена Бакинской нефти» и вышел сборник стихов «Революционные песни». После Исса ничего не написал.

В 1935 г., когда в областном Доме культуры Володя Агринский давал одновременный сеанс игры с нами, я заметила, как возвратившийся с верховьев Терека Исса подсел к моему отцу. Отдав свое место (игры) другому, я села поближе к Иссе.

– Исса, почему ничего не пишешь, пока я работаю в редакции? я смогла бы опубликовать твои вещи без задержки, – обратилась я к нему.

– Не хватает пороку, – ответил он с еле заметным признаком душевного волнения/переживания. Я знала его ранимость и сочла благоразумным не задавать ему более вопросов. Больше вблизи его видеть не довелось (Подстр. пер.).

Другой пример: «...Кюеулюгюн багъалата, къучакълаб саламлашдым. Къараб-къарагъынчы алай илешдик, ёмюрюбюз бирге ёсгенча, не затны да айта, сора, кюле, ышара, джарыкъланыб олтурдукъ (прямо сейчас – уточ. Ф.У.)» [Урусова 1975: 49] («...Отдавая дань родству (он приходился зятем – речь об Азрете Уртенове), обняв, поприветствовала его, сразу возникло ощущение, что мы с ним давно знакомы, разговаривая обо всем, смеясь-улыбаясь, довольные уселись». Подстр. пер.).

Эта конструкция – нанизывание нескольких уточнений действия и текущего состояния героя с окончательным указанием на его сиюсекундный процессуальный статус сохраняется на протяжении всего текста в качестве доминирующей. По всей видимости, автору было принципиально важно подчеркнуть постоянную погруженность в описываемую среду, из чего напрашивается логичный вывод – произведение с явным эффектом присутствия повествователя в подавляющем большинстве описываемых сцен, связанных с главным персонажем. Иначе говоря, фактическая основа текста, его содержание, имеет безусловно вид *личного опыта* Урусовой, что, собственно говоря, и определяет его мемуарную специфику, а сами тексты воспоминаний представляют собой произведение с выраженной *автобиографической* составляющей.

Вкупе с некоторыми моментами, определяющими личность самой А. Урусовой, ее основные ценностные установки и модели социального поведения, соотнесенность содержания «Воспоминаний...» с реальным жизненным опытом писательницы позволяют сделать несколько достаточно продуктивных предположений, относящихся, помимо всего прочего, и к истории написания произведения, и к специфическим характеристикам его нарратива.

Явная несообразность с официальным временем написания произведения заставляет задуматься о характере работы над ним. Необходимо признать, что в целом текст дает нам основания на значительный сдвиг в оценке сроков его создания.

Наблюдения над синтаксисом и ритмом повествования свидетельствуют о продолжительности работы над ним, и это, возможно, не год и не два. На такой ограниченной временной дистанции ритмы текста, реализованные на разных уровнях, сугубо функциональны и зависят от целеустановки автора. Как отмечает Н.М. Фортунатов, «...восприятие крайних частей формы, таким образом, как бы откладывается по обе стороны воображаемой оси симметрии... и всей форме придается строгая ритмическая уравновешенность, соразмерность» [Фортунатов 1974: 176] – и касается эта ремарка произведений, написанных быстро, вне процесса естественного и долговременного изменения личности.

Произведение же А. Урусовой в своих основных ритмических показателях, точнее – в базовых ритмических показателях, имеет непосредственное отношение к структуре самой личности, к ее подсознательным, рационально неконтролируемым уровням. Речь – о синтагматическом членении нарратива. И здесь мы видим изменения такого рода, которые могут наблюдаться на временных дистанциях большой протяженности. Попытки найти аналогию явлению вне пределов творчества А. Урусовой и даже за границами новописьменных литератур приводят нас к интересным наблюдениям Д.С. Лихачева. Он, рассуждая о прогрессе литературного мышления, констатирует наличие «условностей», –

постепенно заменяемых на подобные же образования нового типа и более приближенные к непосредственному наблюдению – в его терминологии «стремление средства изображения... к предмету изображения» [Лихачев 1987: 398–431]. В применении к прозе карачаевской писательницы мы можем, в данном случае, констатировать приближение синтагматического членения авторской фразы к естественному строю карачаево-балкарского языка. В плане изобразительных средств языка – речь насыщена афоризмами, фразеологией, метафорой: Керексиз къайгъы сѣз джюрютюу тюз адамланы кѣб тентиретгенди, артыкъсызда 1929 бла 1934 джыллада. Иссаны *къанатлары да ол заманлада юзюлгендиле* (курсив наш – Ф.У.) [Урусова 1975: 30] («Сплетни, напраслина многих праведных людей ввергли в отчаяние, особенно в 1924 и 1937 годах. Крылья Иссы тоже в те годы оборвались»); ёлом къыйынлыкъ сынагъан джазалады кесин бериб («испытывавший смерть близкого целиком отдается творчеству»); сѣз зараны джетген кьолуна къалам алалмай къалады [Урусова 1975: 30] («(но) кому языком (клеветника) нанесена рана, тот перо в руку уже не может взять»); *баи адамны юсюнден аз да чоларакъ зат айтылса, аны сыйын тюшюрюрге излегенле дженгил табыладыла* [Урусова 1975: 60] («стоит только сказать одно нелестное слово в адрес талантливого человека, как тут же находятся недоброжелатели, готовые еще больше принизить/растоптать его»).

Включение «личного» контента – довольно распространенный пример воссоздания жизненного пути героя, отражения его эмотивной составляющей:

«...Со стороны семейная жизнь Азрета казалась весьма благополучной, однако к концу 1935 года брак распался. Для всех были очевидны его сильные переживания. Весь его вид говорил о том, как велика была печаль...

Первое время, когда Азрет перестал бывать у нас дома, нам его очень не доставало. Когда же встречались на работе, он спешил ретироваться. Ничего общего не было с прежним Азретом. Раньше он умел шутками и меткими выражениями веселить всех, сочинять экспромтом стихи на заданную тему, легко находя, к удивлению молодых поэтов, слова из карачаевской лексики, словно извлекал их из запасника. Время внесло свои коррективы, он взбодрился, женился. Хотя произведений стало публиковаться меньше, он начал больше переводить с русского языка... » (Подстр. пер.) [Урусова 1975: 57–59].

Специфика мемуарного изложения вбирает многие существенные характеристики, в том числе *эмпирические*. Наблюдения автора являют читателю очевидную устойчивую модальность, что возможно исключительно с позиции субъектно-объектных отношений; особо отметим в этой связи ответственную роль автора в создании *факта достоверности*, в том числе в передаче психологического состояния героя.

Примером корректного обращения с фактом могут послужить фрагменты очерка о выдающейся творческой личности, педагоге, поэте, переводчике, враче Асхате Биджиеве: «...Зять наш хирург Баскаев работал с Асхатом, часто с ним бывал у моих родителей и у меня дома. Особенно привлекала Асхата возможность послушать народные песни в исполнении Исхака (Исхак Урусов, брат автора мемуаров, основоположник карачаевской музыкальной фольклористики – уточ. Ф.У.), замечательно игравшего на всех инструментах (мандалине,

скрипке, пианино и других). К тому же в тот период часто собирались у меня по выходным наши литераторы, чтобы обменяться мнениями о рукописях или публикациях, читали стихи, полемизировали и т.п. Присутствовавшие в такие дни Кипкеев Мухаммат, Уртенев Азрет, Байкулов Даут, Бостанов Хасан, Урусов Махамед, Урусов Юнус и другие разом вставали, когда неожиданно появлялся Асхат, чаще вместе с Баскаевым. Приход его вносил ощутимое тепло в наш круг. Интеллектуальное превосходство было заметно, это чувствовали все.

...В те годы в свободные от работы дни работники часто общались: послушать песню, подкрепиться здоровым смехом, а то и поделиться своими мыслями. Это не требовало особенных физических и материальных затрат. Все было проще: хычины, айран, самовар и локумы к чаю. Так было и в доме у моего отца, где частенько сживали Акбаев Исмаил, Текеев Рамазан, Курджиев Курман, Кубанов Ахмат, Байкулов Исмаил и другие

...Как-то читали по жеребьевке произведения. Читать «Демона» на карачаевском языке выпало Курджиеву. Замечательный знаток родного языка, он, однако, почувствовал затруднение в уже отошедшей латинской графике. И ему по предложению Асхата протянули русский текст «Демона». Курман закрутил свои пышные усы, окинул всех взглядом и начал читать с жаром души. Мы все слушали стоя и испытывали большое удовольствие. Когда он закончил, все бурно зааплодировали. Асхат же, перешагнув через стул, подступился к Курману и сказав «Алапат!» (Замечательно!), изо всех сил обнял его. ...«Буревестник» был прочитан им самим (Биджиевым – уточ. Ф.У.) у меня дома в присутствии Аппаева Хасана, Кипкеева Мухаммата, Урусова Махамета и Уртенева Азрета. Перевод «Буревестника» я тогда же взяла у Асхата и пустила в печать. Он был опубликован седьмого ноября 1936 г. Чтобы уметь переводить как он (Биджиев – уточ. Ф.У.) надо было обладать его кругозором, его мастерством стихосложения. Асхат ценил в романе Х. Аппаева «Черный сундук» более всего его язык...» [Урусова, рукопись].

Книга мемуаров А. Урусовой не только воспоминания о современниках, но и произведение просветительской направленности – в нем читатель может почерпнуть знания по истории, этнографии, языку, об этико-эстетических нормах карачаево-балкарцев (Тау адет). К примеру, – в части поведения в присутствии старших: «Къызчыгъы Лариса эди Азретни къууанчы. Тау адетде намысын сакълай, *атамы, анамы къатларында къойнуна алыб олтумагъанлыкъгъа...*» [Урусова 1975: 50] («Дочка Лариса была для него отрадою... Хотя в присутствии отца и матери (речь в данном случае идет о родителях автора мемуаров, уточ. – Ф.У.), руководствуясь горскими этическими законами (императивами), не брал ее на руки...»). Подстр. пер.).

Заключение

Воссоздание истории формирования и развития этноса является сложной задачей, документальное и художественное решение которой свидетельствует об интеллектуальном потенциале и таланте автора. Анализ мемуарной прозы А. Урусовой продемонстрировал сложившуюся концепцию в части осмысления национальной истории и времени, философско-этических поисков, психоло-

гизма. «...Привлечение нарративных и архивных источников определили вектор исследовательской мысли в указанном секторе. Антропологическое измерение и мемуарное начало явились приоритетными средствами в решении проблем, связанных с репрезентацией представлений о «человеке в социуме»» [Узденова 2021: 261]. В этом отношении наиболее показательной в карачаевской литературе явилась книга мемуаров «Ёмюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках») А. Урусовой. Подчеркнутое стремление к реалистичности, подтвержденной на всех уровнях отражения, видится одной из особенностей творческой индивидуальности автора.

В целом исследование позволило выявить роль и место мемуаров в литературной традиции, как феномена культуры и как одного из видов исторического источника, рассмотреть теоретико-методологические подходы к изучению мемуарного жанра, сделать общие выводы о степени актуальности и значении мемуаристики А. Урусовой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Батчаев 1975 – *Батчаев М.Х.-К.* Рецензия на рукопись книги мемуаров Урусовой А.М. «Ёмюр танышланы сагъыныу» (Воспоминания о современниках), 1975 // Из личного архива А. Урусовой.

Большая советская энциклопедия 1974 – Большая советская энциклопедия. В 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 3-е изд. – Т. 16. – 616 с.

Георгиева 2012 – *Георгиева Н.Г.* Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2012. – № 1. – С. 126–138.

Грамматика карачаево-балкарского языка 1976 – Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика. Морфология. Синтаксис. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 571 с.

Ершов 1962 – *Ершов Л.* Типология советского романа // Русская литература. – 1962. – № 4. – С. 3–31.

Источниковедение 2015 – Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская; отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.

Лайпанов 1975 – *Лайпанов К.Т.* Рецензия на рукопись книги мемуаров Урусовой А.М. «Ёмюр танышланы сагъыныу» (Воспоминания о современниках), 1975 // Из личного архива А. Урусовой.

Лихачев 1987 – *Лихачев Д.С.* Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. – Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1987. – Т. 3. – С. 398–431.

Минц 2000 – *Минц С.С.* Российская мемуаристика последней трети XVIII – первой трети XIX вв. в контексте историко-психологического исследования: дис. ... д-ра ист. наук. – Краснодар, 2000. – 395 с.

Нюбина, эл. ресурс – *Нюбина Л.М.* Мемуарный текст как многогранный когнитивный феномен [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/3_127481.doc.htm (дата обращения: 15.05.2024 г.).

Полонский, эл. ресурс – *Полонский В.* Мемуарная литература // Энциклопедия «Кругосвет»: универсальная научно-популярная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MEMUARNAYA_LITERATURA.html (дата обращения: 15.05.2024 г.).

Русова 2004 – Русова Н.Ю. От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н.Ю. Русова. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 301 с. URL: <https://rus-literaturologiya.slovaronline.com/> (дата обращения: 13.05.2024).

Тартаковский 1980 – Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения / АН СССР, Институт истории СССР. – М.: Наука, 1980. – 311 с.

Узденова 2021 – Узденова Ф.Т. Мемуарные практики в художественном тексте (на примере творчества А. Урусовой) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 6 (104). – С. 260–267. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-6-104-260-267.

Урусова 1975 – Урусова А.М. Ёмюр танышланы сагъыныу (Воспоминания о современниках). – Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-ние Ставропольского кн. изд-ва, 1975. – 128 с. (На карач. яз.).

Урусова, рукопись – Урусова А.М. Тогда мы были вместе. Рукопись книги // Из личного архива А. Урусовой.

Фортулатов 1974 – Фортунатов Н.М. Ритм художественной прозы // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Наука, 1974. – С. 173–185.

Чекунова 1995 – Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв. – М.: Российское университетское издательство, 1995. – 134 с.

REFERENCES

BATCHAYEV M.KH.-K. *Retsenziya na knigu memuarov Urusovoy A.M. «Yomyur tanyshlany sag"ynyu» (Vospominaniya o sovremennikakh)* [Review of the book manuscript of memoirs by Urusova A.M. “Yomur tanyshlany sagynyu” (Memories of contemporaries)], 1975. (From the personal archive of A. Urusova). (In Russ.)

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. In 30 t.; ch. ed. A.M. Prokhorov. – Moscow, 1974. – 3rd ed. – Vol.16. 616 p. (In Russ.).

CHEKUNOVA A.E. *Russkoye memuarnoye naslediye vtoroy poloviny XVII–XVIII vv.* [Russian memoir heritage of the second half of the 17th–18th centuries]. – Moscow, 1995. – 134 p. (In Russ.)

ERSHOV L. *Tipologiya sovetskogo romana* [Typology of the Soviet novel]. IN: *Russkaya literatura* [Russian literature]. – 1962. – No 4. – P. 3–31. (In Russ.)

GEORGIEVA N.G. *Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskiy istochnik* [Memoirs as a cultural phenomenon and historical source]. IN: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: History of Russia]. – 2012. – No 1. – P. 126–138. (In Russ.)

Grammatika karachayevo-balkarskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya. Sintaksis. [Grammar of the Karachay-Balkar language. Phonetics. Morphology. Syntax]. – Nalchik: Elbrus. – 1976. – 571 p. (In Russ.)

Istochnikovedeniye [Source study] / I.N. Danilevsky, D.A. Dobrovolsky, R.B. Kazakov, S.I. Malovichko, M.F. Rumyantseva, O.I. Khoruzhenko, E.N. Shveikovskaya; resp. ed. M.F. Rumyantseva; textbook manual. – Moscow: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2015. – 685 p. (In Russ.)

LAYPANOV K.T. *Retsenziya na knigu memuarov Urusovoy A.M. «Yomyur tanyshlany sag"ynyu» (Vospominaniya o sovremennikakh)* [Review of the book manuscript of memoirs by Urusova A.M. “Yomur tanyshlany sagynyu” (Memories of contemporaries)], 1975. (From the personal archive of A. Urusova). (In Russ.)

LIKHACHEV D.S. *Progressivnyye linii razvitiya v istorii russkoy literatury* [Progressive lines of development in the history of Russian literature]. IN: Likhachev D.S. *Izbrannyye raboty v trekh tomakh.* [Selected works in three volumes]. – Leningrad: Fiction. Leningral branch, 1987. – Vol. 3. – P. 398–431. (In Russ.)

MINTS S.S. *Rossiyskaya memuaristika posledney treti XVIII – pervoy treti XIX vv. v kontekste istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya* [Russian memoirs of the last third of the 18th – first

third of the 19th centuries. in the context of historical and psychological research]: dis: ... Dr. Ist. Sci. –Krasnodar, 2000. – 395 p. (In Russ.)

NYUBINA L.M. *Memuarnyy tekst kak mnogogrannyi kognitivnyi fenomen* [Memoir text as a multifaceted cognitive phenomenon]. URL:http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/3_127481.doc.htm (date of access:15.05.2024). (In Russ.)

POLONSKY V. *Memuarnaya literatura* [Memoir literature]. Encyclopedia “Around the World”: a universal popular science encyclopedia. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MEMUARNAYA_LITERATURA.html (date of access:15.05.2024). (In Russ.)

RUSOVA N.YU. *Ot allegorii do yamba: terminologicheskii slovar'-tezaurus po literaturovedeniyu* [From allegory to iambic: terminological dictionary-thesaurus on literary criticism]. – Moscow: Flinta; Nauka, 2004. – 301 p. URL: <https://rus-literaturologiya.slovaronline.com/> (date of access: 13.05.2024). (In Russ.)

TARTAKOVSKIY A.G. *1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya* [1812 and Russian memoirs. Experience in source study]. USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR. – Moscow: Nauka, 1980. – 311 p. (In Russ.)

UZDENOVA F.T. *Memuarnyye praktiki v khudozhestvennom tekste (na primere tvorchestva A. Urusovoy)* [Memoir practices in artistic text (on the example of the works of A. Urusova)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS]. – 2021. – No 6 (104). – P. 260–267. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-6-104-260-267 (In Russ.)

URUSOVA A.M. *Vospominaniya o sovremennikakh* [Memories of contemporaries]. To Karach. Language. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol prince. Publishing house, 1975. – 128 p. (In Karachay-Balkarian)

FORTUNATOV N.M. *Ritm khudozhestvennoy prozy* [Rhythm of fiction]. IN: *Ritm, prostanstvo i vremya v literature i iskusstve* [Rhythm, space and time in literature and art]. – Leningrad: Nauka, 1974. – P.173–185. (In Russ.)

URUSOVA A.M. *Togda my byli vmeste* [Then we were together]. Book manuscript. (From the personal archive of A. Urusova) (In Russ.)

Информация об авторе

Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук.

Information about the author

F.T. Uzdenova – Doctor of Sciences (Philology).

Статья поступила в редакцию 31.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.